

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15903

EDN: CAIBXH



«Обе вместе»: сцены встречи двух соперниц в композиции романов Ф. М. Достоевского

Х. А. Чуманкина

*Московский городской педагогический университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: tinagercel@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрен повторяющийся сюжет встречи героинь в романах Ф. М. Достоевского — «сцены двух соперниц». Анализ трех схожих эпизодов из разных произведений («Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Братья Карамазовы») позволил сделать вывод, что все они связаны с дуэльным контекстом, а сам сюжет «женской словесной дуэли» неслучайно и последовательно реализуется автором, так как, во-первых, он заключает в себе кульминацию любовного конфликта и противостояния героинь; во-вторых, развивает идейную линию произведения. Среди основных особенностей подобных сцен были выявлены: специфичная дуэльная лексика, особые роли персонажей («дуэлянты» и «секунданты»), дуэльная обстановка, «ложный финал». Эти эпизоды соотносятся с карнавальностью художественного мира Достоевского, о которой писал М. М. Бахтин, так как «сценам двух соперниц» свойственны некоторые черты карнавального мироощущения, как то: театрализованный характер «словесной дуэли», стирание социальных иерархических барьеров между участниками столкновения, особая эксцентричность в поведении героинь, фамильяризация отношений к предмету мысли и к самой истине, явление карнавального смеха, черты «сократического диалога», легкость и быстрота перемен в судьбах и жизненных положениях людей. Таким образом, женская дуэль у Ф. М. Достоевского — это не просто разговор, а именно карнавализованный диалог. Диалог этот не только внешний, ориентированный на сюжетный конфликт, но и внутренний: дилемма каждого отдельного спора — борьба разных видов любви, воплощенных в дихотомических женских образах.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. М. Бахтин, женская дуэль, сцена двух соперниц, карнавальность, женские образы, сюжет, диалог, дилемма

Благодарность: Автор благодарит за научное руководство работой к. филол. н., доцента департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета Т. С. Карпачеву.

Для цитирования: Чуманкина Х. А. «Обе вместе»: сцены встречи двух соперниц в композиции романов Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 208–221. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15903. EDN: CAIBXH

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15903

EDN: CAIBXH

“Both Together”: Scenes of the Encounter of Two Rivals in F. M. Dostoevsky’s Novels

Khristina A. Chumankina

*Moscow City University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: tinagercel@gmail.com

Abstract. The article examines the recurring plot of the heroines’ meeting in the novels of F. M. Dostoevsky — the “scenes of two rivals.” An analysis of three similar episodes from different works (“Humiliated and Insulted,” “The Idiot,” “The Brothers Karamazov”) allowed us to conclude that they are all associated with a dueling context, and the plot of the “women’s verbal duel” is not accidentally, but consistently implemented by the author, since, first of all, it includes the culmination of the love conflict and the confrontation of the heroines; secondly, it develops the conceptual line of the work. The key features of such scenes were identified as: specific dueling vocabulary, special roles of characters (“duelists” and “seconds”), dueling atmosphere, “false ending.” These episodes are related to the carnival nature of Dostoevsky’s artistic world, analyzed by M. M. Bakhtin, because the “scenes of two rivals” are characterized by certain features of the carnival worldview, such as the theatrical nature of the “verbal duel,” the erasure of social hierarchical barriers between the participants in the conflict, a special eccentricity in the behavior of the heroines, familiarity of attitudes to the subject of thought and to the truth itself, the phenomenon of carnival laughter, features of “Socratic dialogue,” ease and rapidity of changes in the people’s destinies and life situations. Thus, Dostoevsky’s women’s duel is not just a conversation, but a carnivalized dialogue. This dialogue is not only external, focused on the plot conflict, but also internal: the dilemma of each individual dispute is the struggle of different types of love embodied in dichotomous female images.

Keywords: F. M. Dostoevsky, M. M. Bakhtin, women’s duel, scene of two rivals, carnivality, female images, plot, dialogue, dichotomy, dilemma

Acknowledgements: The author thanks T. S. Karpacheva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities of the Moscow City Pedagogical University, for her scientific supervision of the work.

For citation: Chumankina Kh. A. “Both Together”: Scenes of the Encounter of Two Rivals in F. M. Dostoevsky’s Novels. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 4, pp. 208–221. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15903. EDN: CAIBXH (In Russ.)

Многие исследователи творчества Ф. М. Достоевского обращались к осмыслению женских образов в его произведениях (см. об этом: [Барышникова], [Двойнишникова], [Касаткина: 186–189, 211–226 и др.], [Макаричева]). В нашей статье рассматриваются не столько образы и их положение в системе гендерного дискурса Ф. М. Достоевского, сколько сам сюжет встречи героинь в романах писателя. Обозначить его можно как «сцену двух соперниц». Так сам писатель в черновиках к «Идиоту» называет эпизод встречи Настасьи Филипповны и Аглаи [Достоевский; т. 9: 260]. В «Братьях Карамазовых» глава, в которой описывается разговор Катерины и Грушеньки, носит название «Обе вместе» (ч. 1, кн. 3, гл. X) [Достоевский; т. 14: 132], подчеркивающее дуальный характер происходящей встречи.

Эпизоды, посвященные разговору двух соперниц, появляются в нескольких произведениях Ф. М. Достоевского: «Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Братья Карамазовы». Эти сцены сопряжены с мотивом дуэли. «Классический» (мужской) дуэльный сюжет или упоминание о нем встречаются в тех или иных формах в нескольких произведениях писателя, а именно в «Двойнике», «Записках из подполья», «Униженных и оскорбленных», «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых» (см. об этом: [Рейфман: 182–247]). С одной стороны, открытые столкновения такого характера часто выполняют в произведениях сюжетообразующую функцию; с другой, дуэль в литературном произведении нередко воспринимается как способ определения истины в условиях прямого противостояния одного героя-идеолога другому. Подобным образом осмысляется Достоевским и «женский» вариант дуэли, «сцена двух соперниц». По мнению исследователей А. А. Косоруковой и У. В. Зубковой, женские образы в произведениях писателя при всей своей гендерной зеркальности (соотнесенности с мужскими образами) подчас являются более яркими выразителями тех или иных идей (см.: [Косорукова, Зубкова]). Поэтому можно сказать, что сцены «женской дуэли» в романах писателя становятся важными этапами развития идейной линии произведения.

Феномен женских дуэлей известен давно, но он редко попадал в поле зрения исследователей. Тем не менее поединки женщин упоминаются в ряде книг, авторы которых рассматривают социально-культурное явление европейской дуэли (см. об этом: [Востриков], [Рейфман], [Шелковникова], [Kiernan]). Так, в работе В. Г. Кирнана перечислены некоторые известные женские дуэльные сражения. Например, во Франции в XVIII в. две знатные дамы — графиня де Полиньяк и маркиза де Несль — сражались на пистолетах, чтобы решить, кто из них станет фавориткой герцога де Ришелье [Kiernan: 133].

В России также были известны случаи участия женщин в дуэлях. И. Рейфман в монографическом исследовании, посвященном явлению дуэли в русской культуре и литературе, упоминает случай, когда Надежда Дурова, «кавалерист-девица», участвовавшая в Отечественной войне 1812 г., хотела вызвать на дуэль польского офицера, неуважительно говорившего о русских людях [Рейфман: 22]. Автор также приводит в пример историю, связанную с именами Мариэтты Шагинян и Владислава Ходасевича: Шагинян в 1907 г. предложила поэту принять ее вызов на дуэль, обвинив его в жестоком обращении с первой женой [Рейфман: 22].

Художники и писатели не раз обращались к теме женских дуэлей в своих произведениях. Например, считается, что произошедшее в 1552 г. сражение двух неаполитанских дам, Изабеллы де Карацци и Диамбры де Потинеллы, причиной которого стала любовь к одному мужчине, легло в основу картины «Женская дуэль» испанского художника Хосе де Риберы [Коин: 165–168]. Историю жизни известной дуэлянтки мадемуазель де Мопен отразил в одноименном романе писатель Теофиль Готье¹. Женские дуэли — явление неординарное и необычное. Каждый случай женского дуэльного столкновения становился сенсацией.

В творчестве Ф. М. Достоевского «сцена двух соперниц» — повторяющийся элемент. Несомненно, «женская дуэль» в романах писателя — метафора: несмотря на все по-настоящему дуэльные черты разворачивающихся сцен, о которых речь пойдет дальше, мы можем говорить только о словесной схватке

¹ Готье Т. Мадемуазель де Мопен. М.: ТЕРРА, 1997. 352 с.

соперниц, а не о реальном поединке. Что характерно, подобные эпизоды в произведениях Ф. М. Достоевского представляют собой кульминацию в развитии любовного конфликта. Первым таким эпизодом является встреча Наташи и Кати в «Униженных и оскорбленных» (ч. 4, гл. VI) [Достоевский; т. 3: 396–407]. Сцене присущи некоторые особенности, которые позволяют охарактеризовать ее как «женскую дуэль». Так, Алеша и Иван Петрович становятся на время «секундантами» героинь. Можно обратить внимание и на часто подчеркиваемое автором расстояние между героинями:

«...я так, против вас сяду...», «...она села почти прямо против Наташи...» [Достоевский; т. 3: 397].

Присутствуют и характерные лексемы («разбитая», «рана» [Достоевский; т. 3: 400, 401]). Особый интерес представляет финальная часть эпизода, в которой Наташа кажется оставленной, поверженной. Однако о дальнейшей судьбе Кати и Алеши в произведении ничего не сообщается, поэтому вопрос о счастливом будущем для них остается открытым. Стоит обратить внимание и на то, что Наташа в конце романа возвращается в родной дом, который для нее становится спасительным приютом: она обретает пусть и выстраданный, но покой. Такой финал можно назвать «ложным» с той точки зрения, что он как бы обманывает ожидания читателя, а побежденный и победитель меняются местами². В «Униженных и оскорбленных», в отличие от «Идиота», мы видим не яростную борьбу двух страстных женщин, а добровольное отступление Наташи, принявшей как факт новую слабость Алеши к юной прелестной девушке. Характерно в этом эпизоде проявляет себя Катя — она манипулирует Наташей, задавая ей вопросы, форма которых как бы подталкивает последнюю отвечать так, как это нужно первой:

«— Он вам о нашей свадьбе, в июне месяце, говорил? — спросила Наташа. — Говорил. Он говорил, что и вы согласны. Ведь это всё только так, чтоб его утешить, не правда ли?» [Достоевский; т. 3: 398].

² Подобным образом Е. Н. Строганова характеризует финал «сцены двух соперниц» в «Идиоте» [Строганова: 179], о чем будет подробнее сказано далее.

Дальше Катя, хотя и в форме вопроса, но предлагает Наташе вернуться домой, к родителям, то есть оставить Алешу:

«Милая Наташечка, ведь вы пойдете теперь... в ваш дом?»
[Достоевский; т. 3: 398].

В этой сцене проявляется некоторое противостояние, но не внешнее, развертывающееся в сюжетном плане, а внутреннее, скрытое. Оно выражается в том, какие чувства испытывают обе героини к Алеше. Обнаруживают себя два вида любви: «земная» и «небесная». Разумно будет предположить, что именно образ Наташи воплощает любовь жертвенную, то есть глубоко религиозную, христианскую. Свои чувства к Алеше она описывает как привязанность матери к несмышленому, но бесконечно милому ребенку. По мнению П. Е. Фокина, с которым трудно не согласиться, материнское чувство у Достоевского — наивысшая степень любви, на которую только способна женщина: «Концепция материнства в ее итоговом облике в творчестве Достоевского представляет собой *нерукотворную чудотворную икону* — сплав любви, молитвы и действия» [Фокин: 156].

Наиболее характерной сценой, изображающей женскую дуэль, становится эпизод из романа «Идиот» (ч. 4, гл. VIII) [Достоевский; т. 8: 460–475], так как именно в этом произведении внешний конфликт героинь развивается в духе дуэльного столкновения. К теме «женской дуэли» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» обращается Е. Н. Строганова [Строганова: 174–181]. Она определяет характерные для этой сцены черты: дуэльную лексику («оружие», «сражаться»), маркирующую событие как битву, а также персонажей-секундантов (Льва Мышкина и Рогожина). Исследовательница обращает внимание на прием «ложного финала»: «Как ложный построен и финал дуэльной сцены в "Идиоте": Настасья Филипповна лишается чувств, но убита Аглая, "которая не перенесла даже и мгновения <...> колебания" князя» [Строганова: 179]. В общий ряд особенностей и черт, определяющих эту «сцену двух соперниц» как дуэльное сражение, хочется добавить (помимо элементов, указанных в работе Е. Н. Строгановой) «брошенную перчатку» — своеобразный вызов на дуэль, которым становятся

в романе «смешные» письма «этой женщины» к Аглае, а также «барьерное» расстояние, установившееся между героинями во время разговора и неспроста подчеркиваемое автором:

«Обе сели поодаль одна от другой: Аглая на диване в углу комнаты, Настасья Филипповна у окна» [Достоевский; т. 8: 468].

Все эти художественные детали говорят о том, что сюжет женской дуэли реализуется автором неслучайно, и важен он не только для фабулы романа. Данный эпизод можно назвать кульминационным в развитии любовной линии «Идиота»: Настасья Филипповна и Аглая «борются» за любовь Льва Мышкина, и первая «одерживает победу». Однако это не просто битва страстей, а самая настоящая дуэль, столкновение женщин, с образами которых связаны два вида любви. Что характерно, сами женщины в «Идиоте» выступают скорее объектами чувств князя, и именно любовь Льва Мышкина к Настасье Филипповне или Аглае можно охарактеризовать как христианскую и языческую соответственно. На это различие обращает внимание С. Л. Шараков: «Настасью Филипповну князь любит состраданием, а к Аглае у него любовь природная, любовь как страсть. <...> Только страсть князя не искажена грехом, как у Рогожина, это светлое, естественное чувство» [Шараков: 173]. Впрочем и сами героини, по мысли исследователя А. Е. Кунильского, соотносятся с двумя разными мирами — языческим и христианским: Аглая — одна из прекрасных харит, которые были у греков богинями грации, дружеских радостей и веселой праздничной жизни; Настасья Филипповна же становится «жертвой страстей — своих и чужих», но «в основе ее отношения к жизни лежат традиционные христианские ценности», потому ее образ преобразуется и приобретает черты христианского мученичества [Кунильский: 11, 13, 19].

В романе «Братья Карамазовы» сцена двух соперниц также играет важную роль. Это встреча Грушеньки и Катерины Ивановны, изображенная в главе «Обе вместе» (ч. 1, кн. 3, гл. X) [Достоевский; т. 14: 132–141]. Здесь, в отличие от «Униженных и оскорбленных» и «Идиота», нет двух секундантов, есть, скорее, один общий свидетель — Алеша Карамазов. Тем не менее эту сцену также можно отнести к варианту представления

женской дуэли в произведениях Достоевского, так как общие смыслы связывают этот эпизод с рассмотренными ранее. В этом романе открыто реализован «ложный финал»: читателю вплоть до конца главы представляется, что Грушенька отказалась от любви Дмитрия и «отступила», но на самом деле в известной сцене с поцелуем руки героиня еще более унизила Катерину Ивановну. Грушенька — женщина гордая, но она способна страдать и сострадать, способна по-христиански жертвовать собой, по-христиански любить. Об этом говорят различные детали в описании ее внешнего вида: Алеша удивляется ее «детски простодушному и радостному выражению лица, этому тихому, счастливому, как у младенца, сиянию глаз» [Достоевский; т. 14: 137]. Подобное сравнение с ребенком у Достоевского всегда неслучайно, так как детство для него — образец и мерило нравственности:

«Если уже перестанем детей любить, то кого же после того мы сможем полюбить и что станется тогда с нами самими? Вспомните тоже, что лишь для детей и для их золотых головок Спаситель наш обещал нам "сократить времена и сроки". Ради них сократится мучение перерождения человеческого общества в совершеннейшее»³.

Грушенька, несмотря на свою «греховность», имеет в своем образе черты детскости. Говорят о способности героини к жертвенности и события эпилога: Грушенька после суда остается с Дмитрием и даже собирается сопровождать его.

Таким образом, «сцена двух соперниц» у Ф. М. Достоевского — важный элемент развития не только любовного конфликта, но и идейной канвы произведения, регулярно встречающийся в разных романах. Подобные сцены ориентированы на дуэльный контекст. Об этом говорят следующие черты: специфичная дуэльная лексика, особые роли персонажей («дуэлянты» и «секунданты»), дуэльная обстановка (подчеркиваемое автором удаление и сближение персонажей, которое можно связать с барьерным расстоянием, присущим дуэли). Отдельно стоит упомянуть «ложный финал», который в произведениях

³ Дневник писателя. 1877. Июль — Август. Гл. 1, IV [Достоевский; т. 25: 193].

Достоевского сопутствует «женским дуэлям», хотя и не является обязательным атрибутом дуэльного столкновения.

Определяя место «сцены двух соперниц» в художественной системе писателя, необходимо обратиться к труду М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» [Бахтин]. Опираясь на выводы исследователя, можно сделать предположение о том, что сцена женской дуэли у Достоевского также является проявлением характерной черты поэтики — карнавализации.

Само явление дуэли может рассматриваться как разновидность обрядового или ритуального действия [Рейфман: 20–47], приобретающего черты карнавальности. Так, между участниками дуэли распределяются особые роли, предполагающие определенные алгоритмы действий и не связанные напрямую с внеобрядовым существованием человека. Театрализованный характер дуэльных столкновений (особенно в литературной традиции) очевиден, и в то же время эта театральность является неотъемлемой чертой карнавала.

«Женским дуэлям» Достоевского присуща особая карнавальная черта — отмена всякой дистанции между людьми, стирание социальных иерархических барьеров. Во всех трех проанализированных эпизодах сталкиваются женщины, открытое и прямое взаимодействие которых в обычных (внекарнавальных) условиях невозможно. Например, в «Униженных и оскорбленных»:

«До сих пор я не могла быть у Наташи, — говорила мне Катя, поднимаясь на лестницу. — Меня так шпионили, что ужас. Madame Albert я уговаривала целых две недели, наконец-то согласилась» [Достоевский; т. 3: 397].

В связи с установлением «фамильярного контакта», между героинями изменяется и характер их взаимодействия: «Поведение, жест и слово человека освобождаются из-под власти всякого иерархического положения <...>, и потому становятся эксцентричными, неуместными с точки зрения логики обычной внекарнавальной жизни» [Бахтин: 139]. Эта черта свойственна и «сценам двух соперниц», поэтому они у Достоевского всегда сюжетно и эмоционально напряжены, а действия героинь видятся реципиенту неразумными, экзальтированными и даже нереалистичными. В качестве примера можно вспомнить

восторженные слова Катерины Ивановны, адресованные Грушеньке, ее сопернице, которую она видит впервые:

«Не стоит! Она-то этого не стоит! — воскликнула опять с тем же жаром Катерина Ивановна, — знайте, Алексей Федорович, что мы фантастическая головка, что мы своевольное, но гордое-прегордое сердечко! Мы благородны, Алексей Федорович, мы великодушны, знаете ли вы это?» [Достоевский; т. 14: 138].

Более того, в сценах двух соперниц заметна характерная для карнавального мироощущения «фамильяризация отношений к самому предмету мысли, как бы он ни был высок и важен, и к самой истине» [Бахтин: 149]. Такая фамильяризация объясняет особенную откровенность и интимность разговора Аглаи и Настасьи Филипповны о князе Мышкине и его любви, которая не предполагает нахождения рядом самого героя, да еще и в роли «секунданта» одной из героинь.

Стоит упомянуть такую неотъемлемую черту карнавала, как смех. Он присутствует во всех трех проанализированных сценах «женских дуэлей» и подчеркивает особый амбивалентный характер происходящего поединка. Например, в «Униженных и оскорбленных»:

«Она взглянула мне в лицо и как-то странно рассмеялась. Потом как будто задумалась, как будто всё еще припоминала. И долго сидела она так, с улыбкой на губах, вдумываясь в прошедшее» [Достоевский; т. 3: 401].

В «Идиоте»:

«Мой! Мой! — вскричала она. — Ушла гордая барышня? Ха-ха-ха! — смеялась она в истерике, — ха-ха-ха! Я его этой барышне отдавала! Да зачем? Для чего? Сумасшедшая! Сумасшедшая!.. Поди прочь, Рогожин, ха-ха-ха!» [Достоевский; т. 8: 475].

В «Братьях Карамазовых»:

«Грушенька, звонко смеясь, выбежала из дома» [Достоевский; т. 14: 140].

В соответствии с характером карнавально-площадного действия изменяется и само повествование: оно приобретает черты карнавальной диалогичности, в нем обнаруживают

себя следы серьезно-смехового «сократического диалога», ориентированного на поиск истины через столкновение отдельных героев и их идей. Так и в случае с женскими дуэлями у Достоевского: они представляют собой «словесные битвы», и их значение — не в борьбе непосредственно за любовь героя, а в попытках определить истину. Сталкиваются здесь не столько соперницы в любви, сколько человек с человеком, правда с правдой, так как «ядро диалога всегда внесюжетно, как бы ни был он сюжетно напряжен (например, диалог Аглаи с Настасьей Филипповной)» [Бахтин: 281].

Еще одной характерной чертой «сцены двух соперниц» у Достоевского можно назвать такую особенность карнавального мироощущения, как легкость и быстрота перемен в судьбах и жизненных положениях людей [Бахтин: 164, 196]. Исход «женской дуэли» в романах писателя почти всегда кардинально изменяет дальнейшую судьбу героинь, а особый прием «ложного финала» еще больше увеличивает ощущение неожиданности произошедшего изменения. Например, в «Идиоте» изначально Аглая идет к Настасье Филипповне как победительница. Тем не менее именно Аглая в итоге «терпит поражение».

Таким образом, «сцены двух соперниц» соотнесены с областью карнавального в поэтической системе Ф. М. Достоевского. Женская дуэль у писателя — это не просто разговор, а именно карнавализованный диалог с различными ритуальными и обрядовыми чертами, присущими карнавальному мироощущению. Диалог этот не только внешний, ориентированный на сюжетный конфликт, но и внутренний: дилемма каждого отдельного спора — борьба разных видов любви, воплощенных в дихотомических женских образах.

Список литературы

1. Барышникова О. О. Женский идеал в системе аксиологических представлений Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2013. 158 с. EDN: SUZSSZ
2. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 800 с.
3. Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб.: Азбука-Аттикус, 2004. 352 с.
4. Двойнишникова Т. Ф. Женские образы Ф. М. Достоевского: итоги и перспективы изучения: на материале русского и англоязычного литературоведения 1970–2000-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 299 с. EDN: NOJMVZ
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с. EDN: ZIWRBB
7. Коин Б. Мост через вечность. Разоблачение шедевра. М.: Буксир, 2017. 240 с.
8. Косорукова А. А., Зубкова У. В. Типажи «кротких» и «гордых» женских образов Ф. М. Достоевского как исследование вопроса о добродетели // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 59–71 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/philosophy/article/view/25912/19121> (18.07.2025). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-59-71. EDN: XJINJC
9. Кунильский А. Е. Языческое и христианское в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2006. № 21. С. 9–20.
10. Макаричева Н. А. Женские образы в творчестве Достоевского: типологические черты и «очертания» типов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4 (15). С. 86–89 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-obrazy-v-tvorchestve-dostoevskogo-tipologicheskie-cherty-i-ochertaniya-tipov/viewer> (18.07.2025). EDN: OZBDLZ
11. Рейфман И. Ритуализованная агрессия: дуэль в русской культуре и литературе. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 336 с.
12. Строганова Е. Н. Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019. 400 с. EDN: IKQKRA
13. Фокин П. Е. Достоевский. Перепрочтение. М.: РИПОЛ классик / Пальмира, 2018. 287 с.
14. Шараков С. Л. Духовный символизм Ф. М. Достоевского. М.: Проспект, 2024. 280 с. EDN: GILSBJ
15. Шелковникова Е. Д. Дуэли. Честь и любовь. СПб.: Атлант, 2008. 252 с. (Сер.: Оружейная академия.) EDN: QPLJLR

16. Kiernan V. G. The duel in European history: Honour and the reign of aristocracy. Oxford: Oxford university press, 1989. 348 p.

References

1. Baryshnikova O. O. *Zhenskiy ideal v sisteme aksiologicheskikh predstavleniy F. M. Dostoevskogo: dis. ... kand. filol. nauk* [The Feminine Ideal in the System of Axiological Concepts of F. M. Dostoevsky. PhD. philol. sci. diss.]. Orel, 2013. 158 p. EDN: SUZSSZ (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [The Collected Works: in 7 Vols]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, vol. 6. 800 p. (In Russ.)
3. Vostrikov A. V. *Kniga o russkoy dueli* [A Book About the Russian Duel]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2004. 352 p. (In Russ.)
4. Dvoynishnikova T. F. *Zhenskie obrazy F. M. Dostoevskogo: itogi i perspektivy izucheniya: na materiale russkogo i angloyazychnogo literaturovedeniya 1970–2000-kh gg.: dis. ... kand. filol. nauk* [Female Images of F. M. Dostoevsky: Results and Prospects of Study: Based on Russian and English-Language Literary Criticism of the 1970s — 2000s. PhD. philol. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2006. 299 p. EDN: NOJMVZ (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Kasatkina T. A. *Kharakterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emotsional'no-tsennostnykh orientatsiy* [Dostoevsky's Characterology. Typology of Emotional-Value Orientations]. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 336 p. EDN: ZIWRBB (In Russ.)
7. Koin B. *Most cherez vechnost'. Razoblachenie shedevra* [Bridge Across Eternity: a Masterpiece Revealed]. Moscow, Buksir Publ., 2017. 240 p. (In Russ.)
8. Kosorukova A. A., Zubkova U. V. The “Meek” and “Proud” Types of Female Images in the Works of F. M. Dostoevsky: A Study of the Question of Virtue. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy], 2021, vol. 25, no. 1, pp. 59–71. Available at: <https://journals.rudn.ru/philosophy/article/view/25912/19121> (accessed on July 18, 2025). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-59-71. EDN: XJIHJC (In Russ.)
9. Kunil'skiy A. E. Pagan and Christian in the Novel “The Idiot.” In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2006, no. 21, pp. 9–20. (In Russ.)
10. Makaricheva N. A. Images of Women in Dostoevsky's Works: Typological Features and “Lines” of Types. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Surgut State Pedagogical University Bulletin], 2011, no. 4 (15), pp. 86–89. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-obrazy-v-tvorchestve-dostoevskogo-tipologicheskie-cherty-i-ochertaniya-tipov/viewer> (accessed on July 18, 2025). EDN: OZBDLZ (In Russ.)

11. Reyfman I. *Ritualizovannaya agressiya: duel' v russkoy kul'ture i literature* [Ritualized Aggression: The Duel in Russian Culture and Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 336 p. (In Russ.)
12. Stroganova E. N. *Klassiki i sovremennitsy: gendernye realii v istorii russkoy literatury XIX veka* [Classics and Contemporaries: Gender Realities in the History of 19th Century Russian Literature]. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 400 p. EDN: IKQKRA (In Russ.)
13. Fokin P. E. *Dostoevskiy. Pereprochtenie* [Dostoevsky. Rereading]. Moscow, RIPOL klassik Publ., Pal'mira Publ., 2018. 287 p. (In Russ.)
14. Sharakov S. L. *Dukhovnyy simvolizm F. M. Dostoevskogo* [Spiritual Symbolism of F. M. Dostoevsky]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 280 p. EDN: GILSBJ (In Russ.)
15. Shelkovnikova E. D. *Dueli. Chest' i lyubov'* [Duels. Honor and Love]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2008. 252 p. (Ser.: Weapons Academy.) EDN: QPLJLR (In Russ.)
16. Kiernan V. G. *The Duel in European History: Honour and the Reign of Aristocracy*. Oxford, Oxford University Press Publ., 1989. 348 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чуманкина Христина Алексеевна, Khristina A. Chumankina, 5th Year студентка 5 курса бакалавриата, Bachelor's Degree Student, Moscow Московский городской педагогический университет (2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, г. Москва, Russian Federation); e-mail: tinager-Rоссийская Федерация, 129226); cel@gmail.com. e-mail: tinagercel@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 18.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.10.2025

Принята к публикации / Accepted 13.10.2025

Дата публикации / Date of publication 24.11.2025